

М.: Известия, 1980.—49 с. 6. Отчет на Централния Комитет на Българската Комунистическа партия пред дванадесетия конгрес и предстоящите задачи на партията.—Работническо дело, 01.04.1981. 7. Тезиси на дванадесетия конгрес на Българската Комунистическа партия «За работата на партията, за социалното, икономическото и културното развитие на Народна република България през седмата петилетка (1976—1980 гг.) и за задачите през осмата петилетка (1981—1985 гг.) и до 1990 година».—Работническо дело, 10.04.1981. 8. Живков Т. Отчет Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии за период между X и XI съездами и очередные задачи. Доклад XI съезду БКП.—София-Пресс, 1976.—132 с. 9. Основни насоки за по-нататъшно развитие и усъвършенстване на териториалното и селищното устройство на Народна република България.—Работническо дело, 18.03.1977. 10. Закон за изменение и допълнение на Закона на народните съвети.—Държавен вестник, бр. 97/12.12.1978. 11. По-съвършена териториална и селищна организация на страната.—Народни съвети, 1979, № 1. 12. Спасов Б. Кметството.—Народни съвети, 1979, № 3.

Поступила в редколлегию 15.09.81.

И. Е. Кр а с ъ к о, канд. юрид. наук

Харьков

ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПЛАНИРУЕМОЕ ХОЗЯЙСТВО В ИСТОРИИ НАУКИ СОВЕТСКОГО ПРАВА (20—30-е гг.)

Во второй половине 20-х гг. в юридической литературе большое внимание стало уделяться проблеме использования принятых в 1922 г. ГК при регулировании отношений между социалистическими организациями. Особенно широко обсуждалась возможность распространения на эти отношения института гражданско-правового договора. Многие ученые (П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис, С. И. Раевич и др.) настаивали на том, что имущественные отношения внутри социалистического сектора носят организационно-технический характер и вообще правом (в том числе ГК) регулироваться не должны. Договоры, заключаемые социалистическими организациями друг с другом,— это всего лишь способ доведения до непосредственных исполнителей заданий народнохозяйственного плана. Чисто договорные начала присущи только буржуазному гражданскому праву — праву товарного хозяйства. Отношения же внутри социалистического сектора «теряют характер обычного товарообмена и приближаются к характеру простого распределения» [19, с. 149]. Социалистическое хозяйство — плановое хозяйство, писал С. И. Раевич. Право же вообще, в том числе гражданское, способное регулировать лишь стихийные меновые отношения, должно уступить место непосредственному плановому регулированию [16, с. 192]. ГК не только не является регулятором плановых отношений, но и прямо противопоказан им, отмечал он далее. Эта мысль нашла дальнейшее развитие в первой программе по административно-хозяйственному праву, разработанной Л. Я. Гинцбургом и изданной институтом государства, права и советского строительства Комакадемии в 1929 г. Основная

идея программы сводилась к тому, что регулирование между государственными предприятиями отношений, возникающих на началах подчинения и плановости, выходит из-под действия ГК, они должны регулироваться административно-хозяйственным правом.

О возможности применения норм гражданского законодательства к отношениям между социалистическими предприятиями существовало и иное мнение. Так, С. Н. Ландкоф в 1931 г. писал о двойственной природе связей между ними. С одной стороны, эти предприятия, будучи хозяйственными органами государства, вступают в правоотношения на основе плана, не руководствуясь нормами ГК. С другой стороны, выполняя ряд функций свободно, вне государственного воздействия, они выступают как субъекты гражданского права и, следовательно, все свои действия должны осуществлять в рамках гражданского законодательства. Однако в качестве примера этой разновидности хозяйственных связей автор смог привести лишь договоры о найме склада или торгового помещения и купле-продаже канцелярских принадлежностей [11, с. 8]¹.

С. Н. Ландкоф, вопреки мнению большинства ученых-хозяйственников 20—30-х гг., признавал данные связи не организационно-техническими, а правовыми [12, с. 10], что было значительным шагом вперед. Вместе с тем он отрицал их договорную природу, ибо внедрение в практику взаимоотношений между предприятиями плановых заданий исключало, по его мнению, необходимость в договорном оформлении, что не позволяло регулировать их нормами ГК.

Действительно, гражданское законодательство практически не регламентировало отношения, основанные на плане (поставка, подряд на капитальное строительство, перевозка и др). Это стало особенно заметно после усиления централизованных начал в управлении экономикой, постепенного перерастания синдикатов в органы планирования, изменения их взаимоотношений с трестами, которые из членов синдикатов превращаются в подчиненные им организации. Отношения между ними лишались гражданско-правового характера и становились административно-правовыми. «Гражданское право, — писал тогда С. Н. Ландкоф, сопоставляя право хозяйственно-административное с гражданским, — есть частное право, которое регулирует отношения товарно-денежного оборота. Для новых организационно-правовых форм и новых организационных средств в системе социалистического сектора есть административно-хозяйственное право» [11, с. 13]. С. И. Аскназий также относил к области гражданско-правового регулирования лишь ту сферу имущественного

¹ Различие названных видов связи автор усматривал в разной степени взаимодействия плана и закона стоимости. В первом случае главную роль играет план, закон стоимости имеет вспомогательное значение; во втором — главная роль отводится закону стоимости [11, с. 8].

оборота, в которой преобладают частнохозяйственные начала. В сфере же планируемого социалистического хозяйства действует не гражданское право, не ГК, а нормы хозяйственного права [3].

В основном большинство ученых признавали недопустимым применение к плановым договорам общих норм гражданского законодательства, поскольку эти договоры регулируются не ГК, а лежащими за его пределами нормативными актами¹. Эти акты не корреспондировали с ГК. В них детально регламентировались порядок заключения договора, структура договорных связей, существенные условия договора и др. Правда, многие из данных актов не содержали условия об ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) договоров, что побуждало арбитражные комиссии и иные органы по рассмотрению хозяйственных споров при их разрешении subsidiarily применять нормы общей части ГК². Однако это не колеблет в целом отрицательного отношения ученых 20—30-х гг. к распространению гражданского законодательства на регулирование отношений в социалистическом секторе народного хозяйства.

Четкую позицию о невозможности опосредствования плановых договоров нормами ГК заняло второе совещание jurists-консультантов госпромышленности в 1928 г. На этом совещании серьезные возражения вызвало выступление В. Н. Штретера, который, признавая возможность применения ГК к имущественному обороту (в том числе и в социалистическом секторе), объяснял это особенностями гражданского права, как «безликого инструментария», не имеющего определенной социальной установки. Данная точка зрения игнорировала классовый характер права вообще и гражданского в частности, что было недопустимо. Кроме того, она объективно ориентировала практику на значительно более широкое использование норм гражданского законодательства, против чего возражали многие практические работники. В своей резолюции совещание указало, что «... не все правоотношения гособорота как по объему, так и по содержанию охватываются гражданскими законами (гражданским правом)» [8, с. 102]. И далее в ней подчеркивалась необходимость внесения в ГК изменений и дополнений, учитывающих особенности государственных организаций и гособорота, построенных на началах государственного плана.

Невозможность распространения на плановые договоры норм гражданского законодательства ученые 20—30-х гг. теоретически обосновывали следующим образом:

¹ К таким актам относились ежегодно утверждаемые «Основные условия планового металлоснабжения транспорта»; «О системе предварительных заказов в текстильной торговле» [19, 1927, № 56, ст. 563] и др.

² Особенно широко применялась ст. 142 ГК РСФСР (ст. 142 ГК УССР) о возможности уменьшения размера неустойки, что вообще было характерно при разрешении хозяйственных споров в конце 20-х гг.

ретически обосновывали по-разному. Например, С. И. Раевич объяснял это тем, что договор между социалистическими организациями вообще правовым институтом не является, он призван опосредствовать только хозяйственно-организаторские отношения. ГК же содержит нормы, рассчитанные на обычный договор как на юридический акт [8, с. 102]. С. Н. Ландкоф полностью отрицал правовой характер планирования, полагая, что оно основывается на организационных и технических, но не на юридических нормах [11, с. 37]. Поскольку основная деятельность предприятий обобществленного сектора в области сбыта, снабжения, перевозок и пр. подчинена плану, плановые договоры следует рассматривать как «несвободные договоры», «технические средства связи», в которых самостоятельная воля хозяйствующих субъектов не проявляется. Гражданское же законодательство исходит из свободного волеизъявления сторон. Тем более, что для отдельных категорий связей между социалистическими организациями договорная форма вообще отменена и заменена плановыми заказами, содержание которых определяют не стороны, а орган, планирующий «основные моменты связи» [11, с. 221—222]. Е. Б. Пашуканис, сторонник «меновой концепции», выведивший право исключительно из меновых отношений, определял договор — центральный, по его мнению, институт права — как «законную форму волевого отношения двух товаровладельцев, желающих отчуждать приобретаемая и приобретать отчуждая» [13]. Сферой права (и договора) могут быть только стихийные рыночные меновые отношения. Укрепление планового хозяйства, упорядочение и в дальнейшем свертывание рынка и рыночных форм хозяйствования влечет и постепенное отмирание права, а значит, и договора, который заменяется технически содержательными указаниями в виде планов производства и распределения [13, с. 94]. Следовательно, ГК как совокупность «правил юридического общения автономных субъектов» к регулированию отношений между производственными единицами никакого отношения иметь не может.

С. И. Аскназий и Б. С. Мартынов усматривали сущность любого договора в свободе его заключения и автономии сторон, что плановым договорам не свойственно. Последние признавались ими соглашениями лишь по форме, содержание же их — административно-правовые акты [5, с. 100]. Этим плановые договоры полностью исключались из сферы воздействия гражданского законодательства. Ранее С. И. Аскназий писал, что по мере развития советской экономики область товарных отношений, облакаемых в традиционную гражданско-правовую форму, будет все более сужаться при одновременном расширении нового типа правового регулирования, находящегося под воздействием государственного начала [3, с. 24]. Поскольку же отношения между социалистическими предприятиями

С. И. Аскназий товарными вообще не признавал, полагая, что они лишь сохраняют товарную форму, регулировать их нормами гражданского права он не считал возможным.

А. В. Венедиктов отмечал, что усиление планового начала приведет движение товара к движению продукта внутри всего обобществленного хозяйства, т. е. к движению, не требующему юридической формы договора [6, с. 168], а следовательно, не подпадающему под действие ГК¹.

Ученые-хозяйственники 20—30-х гг. активно полемизировали с представителями так называемого «догматического направления в праве» (М. Агарков, С. Вольф, В. Гордон, К. Граве). «Право для «догматиков», — писал Л. Я. Гинцбург, — совокупность юридических норм, заботливо причесанная под западноевропейские образцы. Формально-логический анализ норм, приведение их в систему, установление юридической природы института и, наконец, юридическая конструкция как венец и завершение их научного исследования — вот те «грехи», в которых упрекали «догматиков» [10, с. 107]. Здесь объектом нападок оказывался и ГК, как бастион, за стенами которого надежно укрывались представители «догматического» направления в юриспруденции². Следовательно, отрицание ГК было одним из средств борьбы между различными направлениями науки права. Но споры о применении ГК к урегулированию хозяйственных отношений возникали и по другим направлениям. Так, в 1928 г. проводилась дискуссия об арбитражных комиссиях. Секция права и государства Комкадемии ставила вопрос об их ликвидации и передаче рассмотрения всех имущественных споров между хозорганами общим судам. В основе этого предложения лежала идея идентичности имущественных отношений независимо от их субъектов. П. И. Стучка, сторонник ликвидации, писал, что арбитражные комиссии следует превратить в простые расчетные учреждения, лишённые каких-либо юрисдикционных прав, руководствующиеся в своих решениях хозяйственной целесообразностью. Такие высказывания шли вразрез с проводимой тогда линией на укрепление хозрасчета и усиление ответственности хозорганов за результаты своей деятельности. Вот почему выступление П. И. Стучки вызвало резкие возражения ряда ученых (Л. Гинцбург и др.).

С новой силой разгорелись споры вокруг Проекта общесоюзных начал гражданского законодательства. Проект Основ, составленный П. И. Стучкой и Г. Н. Амфитеатовым, повторял систему ГК и ничего нового в регулирование отношений между хозорганами не вносил, так как, следуя идее двухсекторного

¹ Впоследствии, в 1940 г., автор отказался от этой концепции.

² Характерно, что к работам «догматического» направления относили «Учение о ценных бумагах» М. М. Агаркова, «Чековое право» Б. Эльясона, «Гражданское право и регулируемое хозяйство» С. И. Аскназия и Б. С. Мартьянова, «Торговые установления» К. А. Граве и др.

права, авторы относили регулирование их к области не гражданского законодательства, а хозяйственно-административного кодекса. Проект был отвергнут.

Отказ от юридических форм регулирования хозяйственных отношений в период перевода народного хозяйства на социалистические рельсы в конце 20-х — начале 30-х гг. перестал отвечать законодательной практике, которая начала складываться в соответствии с решениями XIV и XV съездов партии. XIV съезд ВКП(б), основываясь на ленинской программе построения социализма, принял решение об индустриализации страны, а XV съезд признал необходимым начать работу по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. В течение 1928—1929 гг. число частных предприятий сокращается с 11 527 до 7 137, т. е. на 38,2% [22, с. 251]. Страна переживает и большие организационные преобразования в области управления народным хозяйством. В 1926 г. создаются отраслевые главки в составе ВСНХ, в 1928—1929 гг. — аналогичные органы в ВСНХ союзных республик (директораты и отделы). Возрастает роль синдикатов, особенно после принятия в 1928 г. Положения о синдикатах.

В июне 1927 г. принимается новое Положение о государственных промышленных трестах, укрепляется их хозрасчет [18, 1927, № 39, ст. 392]. В 1929 г. запрещаются договоры социалистических организаций с частными поставщиками. На первом Всесоюзном съезде марксистов-государственников (январь 1931 г.) закладываются основы новой постановки ряда важных вопросов теории права. Центральным институтом любой системы права признается право собственности. Особое внимание уделяется праву социалистической собственности как основе советского права. Съезд обращает внимание на революционно-преобразующую роль советского права, на связь права с политикой социалистического государства. Съезд признал также необходимым отказаться от теории двухсекторного (гражданского и административно-хозяйственного) права и укрепить единое хозяйственное право. Не следует полагать, что под наименованием «хозяйственное право» подразумевалось право гражданское, как писали об этом впоследствии. Здесь не произошло изменение терминологии. Система хозяйственного права конструировалась совершенно иначе, чем система гражданского права, что следует из учебников права, а также многочисленной монографической литературы середины 30-х гг. Внутреннее разделение хозяйственного права на отдельные части ученые-хозяйственники производили, исходя из принципов организационно-хозяйственного порядка. Оно состояло из общих положений (общественная, социалистическая собственность, план и хозрасчет); организационной структуры народного хозяйства (государственные хозяйственные органы, кооперативные организации и частные лица); организации хозяйственных связей (системы договорных

отношений, опосредствующих социалистический товарооборот, кредитные связи); специальных отраслей советского хозяйственного права (транспортное, жилищное право, организация капитального строительства, внешней торговли и т. д.) [10, с. 38]. Все это не дает основания утверждать, что хозяйственное право в представлении ученых 20—30-х гг. фактически было правом гражданским, «переделанным» на новый лад. Даже идентичные, на первый взгляд, категории, например договор, резко отличались при регулировании их ГК и нормами хозяйственного законодательства. Одной из особенностей договоров между социалистическими организациями в этот период было придание им организационно-регулирующих функций путем включения в них условий, способствующих развитию экономического оборота в нужном для государства направлении. Так, ВСНХ и Центросоюз включали в генеральные и типовые договоры на 1925—26 гг. условие, обязывающее кооперативные организации проводить закупленные ими товары только через свою систему без права продажи на сторону [22, с. 268]. С 1928—1929 гг. в ведомственных нормативных актах устанавливались конкретные сроки заключения плановых договоров и их существенные условия. Широко внедряется практика заключения типовых договоров [22, с. 268—269]. Все это позволяет утверждать, что опосредствование хозяйственных отношений осуществлялось не ГК, а актами, лежащими за его пределами и основанными на иных принципах правового регулирования.

О некоторых причинах, по которым ГК 1922 г. не стали универсальными актами, способными регулировать все имущественные отношения, писал в 1924 г. П. И. Стучка. Вместо деления кодекса «на две части: основные начала, обязательные для проведения, и технические инструкции и руководства, в которых обязательны лишь самые общие места... мы, к сожалению... перепутали в одном кодексе общие начала и технические правила, объявляя их одинаково обязательными» [20, с. 72—73]. Все это не позволяло на практике применять ГК к таким новым важным институтам, как, например, генеральные договоры. В 1926 г. С. И. Вильнянский, оценивая деятельность первого Положения о поставках и подрядах (1921 г.), отмечал, что почти все торговые операции госпредприятий в той либо иной степени подпадают под действие этого нормативного акта и что государственная промышленность, торговля и транспорт в своей строительной, заготовительной и оперативной деятельности применяют законы о подрядах и поставках [7, с. 3], иными словами — не ГК. О том, что ГК не был рассчитан на регулирование отношений между госорганизациями, писал в 1959 г. и Г. М. Свердлов¹.

¹ Утверждение Г. М. Свердлова встретило много возражений. При этом возражали даже те авторы, которые в 30-е гг. придерживались этого же мнения.

Конечно, не следует полагать, что ГК полностью отвергался арбитражной и хозяйственной практикой при регулировании отношений между социалистическими организациями. В ряде случаев такие положения ГК, как сделки (особенно ст. 30), исковая давность, ст. 13, 18, 19, закреплявшие основные начала правового положения хозрасчетных госпредприятий — обособленность имущества, самостоятельную ответственность, специальную правоспособность и др. — не могли игнорироваться¹. Это обстоятельство находило теоретическое обоснование в работах представителей науки хозяйственного права. Например, С. И. Аскназий отмечал, что гражданско-правовые нормы в состоянии обеспечивать исполнение сторонами планового договора своих обязанностей [4, с. 36]. Тем самым он допускал возможность применения к таким договорам статей ГК (например, ст. 141). Поскольку же известные гражданскому праву способы обеспечения обязательств носят дополнительный характер, это не означало, что С. И. Аскназий, вопреки своим первоначальным утверждениям, признавал возможным применять нормы гражданского законодательства к прочим условиям договора.

М. Г. Фрадкин, анализируя юридическую природу генеральных договоров, определял их как договоры в пользу третьего лица [21]. Тем самым он фактически распространял на них действие ст. 140 ГК. Однако с такой квалификацией генеральных договоров согласиться трудно. Во-первых, они представляли собой организационные соглашения и товарными сделками не являлись, что само по себе исключало регулирование их нормами ГК². Во-вторых, в схему отношений с участием третьих лиц данные договоры не вписывались, ибо требовать их исполнения могли лишь участники договора. Однако признание их разновидностью гражданско-правовых сделок нарушало сложившееся представление о невозможности использования ГК к отношениям между социалистическими организациями. Б. С. Мартынов, возражая против применения ГК к сфере «обоюдного государственного оборота», не исключал возможности ссылок на него там, где «дело идет о применении технических приемов товарного оборота» [5, с. 13]. Иными словами, гражданское законодательство — законодательство независимых

¹ Так, арбитражные комиссии признавали недействительными в соответствии со ст. 30 ГК договоры, в которых цена товара была ниже утвержденной синдикатом, в состав которого входил продавец. При освобождении сторон планового договора от ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) договоров арбитражные комиссии ссылались на ст. 118 ГК.

² С. Н. Ландкоф отмечал, что в генеральном договоре одна из сторон обязательно является центральным органом своей системы, заключает его не в своих непосредственных интересах, а в интересах своих организаций. Последние в соответствии с генеральным договором должны были заключать «договоры исполнения» [11, с. 180].

субъектов права, для социалистического сектора приемлемо только как вспомогательный инструментарий.

Выводы о возможности лишь sporадического использования ГК при регулировании хозяйственных отношений ученые 20—30-х гг. обосновывали практикой органов, рассматривавших хозяйственные споры. И действительно, в их решениях ссылки на гражданское законодательство очень редки¹.

Споры о заключении и использовании плановых договоров в 1926—1930 гг. рассматривались несколькими органами: наркомторгами СССР и союзных республик, Комитетом госзаказов и арбитражными комиссиями. Практика рассмотрения споров свидетельствует, что в исследуемый период решения по хозяйственным спорам принимались не на основании действующего законодательства, а исходя из состояния экономической конъюнктуры. Как отмечала Высшая арбитражная комиссия (ВАК) СТО в 1929 г., при рассмотрении споров важно определить, не какая из сторон права с точки зрения договора или закона, а как содействовать направленности хозяйственной деятельности в русло плановой деятельности [12, с. 20]. Эта линия ВАК последовательно проводилась при рассмотрении всех споров, в том числе и об ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) договора. Стороны освобождались от ответственности во всех случаях, когда неисполнение было вызвано правильно понятым хозяйственным интересом и стремлением выполнить директивы планово-регулирующих органов [12]. Рассматривая споры о взыскании неустойки и убытков, арбитражные комиссии, наркомторги и Комитет госзаказов руководствовались исключительно экономическим положением сторон. И если ими усматривалось, что взыскание неустойки (убытков) за счет оборотных средств затруднит работу хозяйственной организации, она от ответственности освобождалась. Все это свидетельствует о том, что рассмотрение хозяйственных споров осуществлялось не только без учета требований ГК, но часто и вопреки ему. Общие правила об ответственности должника за неисполнение обязательства устанавливались ГК 1922 г. в ст. 117—119 и 121. Однако, как говорилось выше, органы по рассмотрению хозяйственных споров не считали, что должник во всех случаях обязан возместить кредитору убытки, вызванные неисполнением договора. Наоборот, они освобождали предприятия от возмещения убытков даже в тех случаях, когда основания для их взыскания были налицо. При этом они полностью игнорировали требование ст. 119 ГК о том, что если предмет обязательства определен родовыми признаками, невоз-

¹ На это обстоятельство обращал впоследствии внимание С. С. Алексеев [1, с. 77]. Подробный анализ применения в арбитражной практике ст. 117, 118 ГК при освобождении должников от реального исполнения обязательств дается Б. С. Антимоновым [2]. Однако ссылки на эти статьи были исключением.

возможность его исполнения не освобождает должника от ответственности. Данная позиция теоретически обосновывалась в работах отдельных авторов. Так, А. Зейц писал, что «исполнение договоров, ставшее... обременительным для сторон, способствует... ослаблению производственных сил страны и находится таким образом в противоречии со ст. 1 и 4 ГК» [9, с. 52]. Принцип ст. 1 ГК должен быть дополнен началом хозяйственной целесообразности, писал он далее. Конечно, все это подрывало основы социалистического хозяйствования и вносило в имущественный оборот элементы анархии. Однако с точки зрения ученых 20-х — начала 30-х гг. подобный подход был не только оправданным, но и необходимым. Тем более, что для многих из них ГК, будучи актами, воплотившими основные изменения в хозяйственном обороте, вызванное переходом к нэпу, отражали общие начала расширения автономии при «определенном оживлении частного сектора» (К. А. Граве).

Нормы ГК, касающиеся социалистического сектора народного хозяйства, были призваны главным образом предотвращать проникновение в этот сектор частного капитала и ограждать социалистическую собственность от возможного умаления ее в пользу частного.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Дифференциация гражданско-правового регулирования. — Сов. гос-во и право, 1960, № 2. 2. *Антимонов Б. С.* Основания договорной ответственности социалистических организаций. — М.: Юрид. лит., 1962. — 175 с. 3. *Аскназий С. И.* Очерки хозяйственного права СССР. — Л., 1926. — 157 с. 4. *Аскназий С. И., Мартынов Б. С.* Гражданское право и регулируемое хозяйство. — Л., 1927. — 190 с. 5. *Аскназий С. И.* Правовые формы планирования промышленности СССР. — В кн.: Советское промышленное право. М., 1929. 6. *Венедиктов А. В.* Правовая природа государственных предприятий. — Л.: Прибой, 1928. — 164 с. 7. *Вильянский С. И.* Положение о государственных подрядах и поставках. Практический комментарий и материалы. — Харьков, 1926. — 137 с. 8. Вопросы промышленного права. — М., 1928. 9. *Зейц А. Г.* Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров. — М., 1928. — 112 с. 10. Курс советского хозяйственного права/Под ред. *Л. Гинцбурга и Е. Пашуканиса.* — М.: Сов. законодательство, 1935. — Т. 1. 448 с. 11. *Ландкоф С. Н.* Хозяйственно-административное право. — Харьков, 1931. — 241 с. 12. Отчет о деятельности ВАК при СТО за 1929 г. — М., 1930. 13. *Пашуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм. — М., 1924. — 223 с. 14. Практика арбитражных комиссий/Под ред. *В. Н. Штетера.* — М.; Л., 1924, вып. 1. — 127 с. 15. Практика арбитражных комиссий ВСНХ СССР. — М., 1928, вып. III. — 81 с. 16. *Раевич С. И.* Общие вопросы хозяйственного права и законодательство о гражданском обороте. — В кн.: Основы советского права/Под ред. *Д. А. Магеровского.* — М.; Л., 1927. — 272 с. 17. *Свердлов Г. М.* К истории гражданского и хозяйственного законодательства. — Сов. гос-во и право, 1954, № 4. 18. СЗ СССР. 19. *Стучка П. И.* Обзор литературы по гражданскому праву. — Революция и право, 1928, № 1. 20. *Стучка П. И.* Классовое государство и гражданское право. — М., 1924. — 137 с. 21. *Фрадкин М. Г.* Генеральные договоры во взаимоотношениях государственной промышленности с кооперацией. — Сов. право, 1928, № 3. 22. *Яковлева Е. М.* Развитие договорных связей государственной промышленности СССР по снабжению и сбыту (1917—1937). — Душанбе: Ирфон, 1965. — 445 с.

Поступила в редколлегию 21.05.81.